

ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ КАЙГОРОДОВ



Ассистент и аспирант кафедры философии
Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Email: Cellar811@mail.ru

УДК 323.11

«НАЦИЯ» КАК ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта
«Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»
(грантовое соглашение № 14-18-03087)

Статья посвящена анализу роли понятия «национальность» в самоидентификации и структуре социальных трансакций современного россиянина. В статье рассматриваются и подвергаются критике возможные критерии формирования национальной общности. Также делается акцент на деструктивных последствиях массового внедрения национально-ориентированного образа самоидентификации. Наконец, подчеркивается антропогенная природа понятия «нация».

Ключевые слова: нация, национальность, самоидентификация, игра.

Pavel V. Kajgorodov

«NATION» AS A LINGUISTIC GAME

The article deals with a notion of “nation” in contemporary Russian’s identity and social transactions. The article considers and criticize numerous possible criteria for nation’s internal “unity”. At the same time the article emphasizes the destructive consequences of widespread nation-based identity. The article underline the anthropogenous nature of the notion.

Key words: nation, nationality, identity, game.

Сегодня «национальность» стала характеристикой, изначально присваиваемой обществом любому своему члену. Но так ли это? Национальность понимается нами как факт принадлежности к нации. Что же стоит за понятием «нация»? Начнем с не вызывающего сомнений: нация — это группа лиц (один человек не может воплощать в себе нацию, за исключением временных, экзотических обстоятельств, к примеру, если он является последним её представителем), несущая в себе некую общность, позволяющую отделять её от сходных групп. Именно о факторах, позволяющих заявлять упомянутую общность, и пойдёт ниже речь. Какие качества априорно присваиваются нам, зачисляя с рождения в нацию? Каковы объективные основания для такого объединения? И так ли конструктивно разделение человечества на нации?

Хью Сетон-Уотсон признавал: «Итак, я вынужден заключить, что никакого “научного определения” нации разработать нельзя; и вместе с тем феномен этот существовал и существует до сих пор» [Андерсон Б. 2001: 87].

Понятие «нация» возникает и входит в дискурс в конце XVIII — начале XIX века. До того Европа состоит из династических государств. В рамках этой системы осью самоидентификации населения является личность сюзерена. То есть достаточным и удовлетворительным ответом на вопрос «Кто я?» для любого европейца был ответ: «Вассал монарха А». Такое положение вещей возможно только в условиях сакрализации верховной власти, когда право монарха на правление в глазах подданных исходит от непостижимой Надсущности (Бога), таким образом, определяя их состояние — и правителя, и подданных — во вселенском порядке в целом. Только в таком режиме существования возможно сакраментальное выражение Людовика XIV: «Государство — это я!». В то же время никакой роли не играла категория, которую мы сегодня назовем национальностью правителя, важна лишь династийная принадлежность. Именно поэтому династия Романовых многие поколения отыскивала себе невест в Гессен-Дармштадском и прочих немецких княжествах.

Окончательная смена этой формы понимания приходится на конец XVIII века и выражается в Великой французской революции. Постепенный процесс десакрализации фигуры властелина завершается казнью правящей четы и множества представителей аристократических родов. После чего встаёт вопрос, чуть раньше вслух заданный Ж.-Ж. Руссо: «Что способствует тому, что народ — это народ?». Ответом на него станет понятие нации, появляющееся в трудах просветителей.

М. Вебер в «Хозяйстве и обществе» сформулировал следующее положение: «С “национальностью”, как и с “народом”... связано, по меньшей мере, нормальным образом, смутное представление, что в основе того, что воспринимается как “совместное”, должна лежать общность происхождения, хотя в реальности люди, которые рассматривают себя как членов одной национальности ... весьма часто гораздо дальше отстоят друг от друга по своему происхождению, чем те, кто причисляет себя к различным и враждебным друг другу национальностям... Реальные основы веры в существование “национальной” общности и выстраивающегося на ней общностного действования весьма различны» [Андерсон Б. 2001: 8]. Так что даже присутствовавшие при «рождении» нации признавали, что принцип, вокруг которого строится общество, является дискуссионным вопросом.

Одним из наиболее распространенных вариантов объяснения мнимого единства нации является язык. Однако можно вспомнить, что после Второй Мировой войны и разрушения империализма появляется масса новых национальных государств, государственным языком которых становится язык их бывших хозяев по империи. Таким образом, следуя лингвистической доктрине генезиса нации, мы

должны будем объединить население Великобритании, Ирландии, Австралии и США в одну нацию. Кроме того, использование языка как связующего звена сделяет «нацию» слишком хрупким явлением: где заканчиваются грамматические ошибки представителя нации и начинается незнание языка инородцем? Тем более внимательно стоит отнестись к лингвистическому критерию с учётом того, что язык нередко понимается группами влияния скорее в смысле инструментальном, нежели как автономная и развивающаяся по собственным законам система. Нашумевшая реформа русского языка 2009 года тому порукой. Но если язык может быть нормативно пересмотрен, то и нация, якобы порожденная им, тоже может измениться в своих виртуальных границах. Что возвращает нас к исходному тезису: национальность есть категория, произвольно присваиваемая, а не субстанциональная.

Можно предположить, что нации как-то связаны с капитализмом, благо, возникают они по историческим меркам одновременно и в одном и том же месте. Но то, как организована система вознаграждения за труд и производственные отношения, не диктует нам единственной организации государства. Более того, стремление капитализма к бесконечному расширению рынка сбыта прямо противоречит идее национального государства с его жесткими границами и извечным искушением автаркией. Ф. Бродель связывает структурирование мировой экономики, разделение ее на центр и периферию с исходными объективными природными условиями регионов, а не волей народов [Бродель Ф. 2011: 121].

Наконец, можно говорить о родственной связи представителей одной нации. Однако простой математический расчет показывает, что в десятом поколении человек может иметь 512 непосредственных предков, в то время как население современных государств исчисляется сотнями тысяч и миллионами граждан. В силу чего о кровном родстве речи быть не может. Генетическое родство было уделом общинного строя, но социум, организованный таким образом, давно отошёл в прошлое на большей части территории. В качестве альтернативы социум предлагает нам то, что Балибар называет «проект» [Балибар Э., Валлерстайн И. 2004: 79]: множество поколений, проживающих на примерно одной и той же территории и называющих себя примерно одними и теми же словами, объединены особой связью. Не имея объективных оснований для объединения населяющих его людей в общность, государство использует в этом качестве прошлое. И «национальность» становится инструментом беспечального наследования заслуг предков: она недоказуема, не налагает обязательств, в отличие от религии. При этом позволяет гордиться стихами поэтов Золотого века и победами в давно прошедших войнах. Прошлое — главный элемент социализации индивида и поддержания групповой солидарности. Инструментом прививания этого подхода служит введение этического аспекта — «горжусь тем, что я швед (турок, русский, японец)», однако гордиться можно только чем-то однозначно положительным, достигнутым самостоятельно (невозможно гордиться структурой солнечной системы, поскольку это — сухой величественный факт). В то же время нет нашей заслуги в том, что мы родились там, где родились.

И. Валлерстайн разграничивает три термина: раса, нация и этнос. Раса — генетическая категория, четко выражаясь во внешнем виде человека — высоте скул, цвете кожи, разрезе глаз. Нация — социально-политическая категория, связанная с реальными или возможными границами государства. Этническая группа — культурная категория, завязанная на культурно-поведенческие матрицы, воспроизведимые от поколения к поколению, но не привязанные к границам государства [Балибар Э., Валлерстайн И. 2004: 91]. Это деление удобно тем, что поз-

воляет говорить о национальности как о сухой юридической категории гражданства, коей она, в теории, и является. На практике же «национальность» используется группами формирования мнений (политикам и СМИ) как генератор иллюзорной самоидентификации — гражданину предлагается поверить в то, что за его спиной стоит незримый строй великих полководцев, деятелей искусства и науки, неким образом сопричастных ему. Кроме того, гражданин окружён прочими людьми одной с ним национальности, разделяющими одни идеалы и достойными доверия в большей степени, чем иностранцы. Здесь можно усмотреть игру и на страхе одиночества, и на стадном инстинкте, и на тщеславии. Есть у «национальности» и психологическая подоплека: XX век стал веком масс, когда все общественные дисциплины заинтересовались процессами, протекающими на уровне сообществ, а не индивидов. Одновременно стали гораздо доступнее путешествия и разного рода информация, а с этим и осведомленность о событиях, происходящих в другой части света. Так, например, в наши дни наводнение в Индонезии приводит к подорожанию компьютерных жестких дисков в России. В мире формируются причинно-следственные связи, которые могут приводить к самым неожиданным ситуациям, и нелегко понять, какие из процессов и событий, происходящих на другом континенте, могут отразиться на субъекте. Особенно если эти события связаны не с природными явлениями, а с поступками людей, чья мотивация и логика порой не до конца ясны, а поступки могут казаться непредсказуемыми. В интенсивном информационном потоке у субъекта не остается времени на внимательный анализ каждого конкретного случая и отдельной личности — он вынужден прибегать к упрощенному пониманию Другого. Национальным стереотипам нет равных в упрощении и обобщении, они в силах возложить бремя коллективного греха на группу лиц (в глазах субъекта) из-за провинности конкретного индивида подобно тому, как Библия за ослушание Адама и Евы приписывает первородный грех их детям. Как пишет И. Б. Гасанов: «Национальные стереотипы также несут важную функцию экономии мышления. ...Как инструмент мышления национальные стереотипы весьма несовершены с точки зрения научной истины и бесстрастной логики (однако совершенство мышления — редкое качество у людей, даже ученых)» [Гасанов И. Б. 1994: 18]

Б. Андерсон называет нации «воображаемыми сообществами» [Андерсон Б. 2001: 10]. Однако под «воображаемым» обычно понимают нечто не существующее, в то время как люди реальны (в степени достаточной для рассмотрения их в рамках данной работы), и отношения, в которые они вступают в рамках социальных транзакций, тоже реальны. Возможно, более продуктивно будет выделить условность «нации» и назвать ее формой языковой игры, понимая под этим словом процесс, подчиняющийся искусственно заданным правилам и не дающий результата, применимого вне самого себя. Называя нации языковой игрой, мы не намерены преуменьшать значимость этого явления или иронизировать над участвующими в нем. Об этом же писал Э. Геллнер: «Два человека считаются принадлежащими к одной нации в том и только в том случае, если они признают друг друга принадлежащими к этой нации. Другими словами, нации создаёт человек...» [Геллнер Э. 1991: 38].

Термин «игра» вводится нами, чтобы подчеркнуть подвластность существования наций человеческому волеизъявлению. Строго говоря, исходя из такого понимания игрой может считаться любой социальный процесс, начиная от экономики и заканчивая модой. И причина нашего недовольства «нацией» как конструктом кроется вовсе не в её условности, а в её непродуктивности. Под непродуктивностью мы понимаем процесс усугубления ограниченности человеческого

сознания, который был взят современными государствами на вооружение в качестве официальной политики. Упомянутая нами выше неспособность субъекта охватить умственным взором человечество во всём его многообразии не отменяет факта существования этого многообразия. Однако правительствам куда удобней играть в игру по быстрому нахождению Чужого и убеждать своих граждан в том, что понятные и достойные люди (непонятным образом) оказались собранными исключительно в границах «государства А». Вспоминается К.-Г. Юнг: «Автоматически подчеркивая в каждом из своих членов качества коллективного порядка, общество вознаграждает прежде всего посредственность и поощряет любого, кто согласен вести беспроблемное, безответственное, растительное существование» [Юнг К.-Г. 1994: 233]. Не секрет, что в присутствии общего врага группа людей отбрасывает внутренние противоречия и начинает действовать сообща. Однако действия, предпринимаемые ею, будут направлены, разумеется, на ликвидацию явления, понятого ею как угроза. Поэтому напряжение сил, как физических, так и духовных, вызванное таким объединением, разряжается либо в войне, либо в неудовольствии теми, кто без нужды запустил этот механизм, т. е. руководящими органами государства. Для предотвращения кризиса доверия суворен может поступить лишь одним способом — пойти на повторение всего сценария и эскалацию.

Еще раз нужно заметить, что человечество состоит из индивидов, порою весьма отличных друг от друга. И странным было бы утверждать, будто отличия эти они приобрели не благодаря тому окружению, в котором родились и воспитывались. Однако обобщения, столь любимые национально ориентированным сознанием, могут загнать его в ловушку.

Можем ли мы с полным правом утверждать, что все французы скучы? Едва ли, ведь один-единственный щедрый человек, затесавшийся в массу граждан Франции, опровергает это утверждение.

Можем ли мы сказать, что *многие* французы скучы? Вероятно, нет, во всяком случае, до проведения поголовного исследования, но это и не важно, ведь осторожный, компромиссный переход от всеобъемлющего «все» к статистическому «многие» девальвирует само суждение. Нет никакого проката в национальном образе, не охватывающем всю нацию. Параллельно задумаемся: кого мы назовем французом? В контексте миграционных потоков ни расово, ни религиозно «француз» не детерминирован. Можно сказать, что француз должен разделять французские ценности. Но тут, однако, дефиниенс возвращает нас к дефиниендуму, поскольку сугубо французскими могут быть названы только ценности, разделяемые исключительно французами.

Вышесказанное возвращает нас к И. Валлерстайну: единственная общность, которую обозначает «национальность» — гражданство. Непривлекательность этого понимания скрыта в его нефункциональности: тот факт, что человек А является гражданином государства Б, не помогает нам в формировании мнения о нем и отношения к нему. Что, однако, не может считаться поводом присваивать контрагенту фиктивные качества и свойства для «экономии мышления». Нельзя также не признать исключительную притягательность «национальности» в неакадемическом смысле. Даже у К. Маркса можно обнаружить выражение «национальная буржуазия», хотя непонятно, зачем необходимо это уточнение, поскольку буржуазия, в терминах автора, — класс общемировой, и существование ее определено производственными отношениями, а не национальной принадлежностью участников исторического процесса.

Наконец, можно отметить, что «нация-гражданство», по сути, никуда не ушла от средневековой «вассальной» системы монархической Европы, за исключением отсутствия мистического элемента. Правда, отсутствие это весьма значимо с учетом того, что без эзотерических элементов структура социума оказывается в руках человеческих без каких бы то ни было свыше наложенных запретов на свое изменение. И перемены такого рода происходят, следуя за изменениями в социальном, идеологическом, технологическом и прочих укладах. Сетевая саморепрезентация, например, является существенной чертой современного человека [Горбачёва А. Г. 2013: 21], и вполне может в будущем взять на себя функции самоидентификации, выполняемые сегодня национальностью.

«Нация» сегодня — термин общеупотребительный и активно используемый самыми разными группами формирования мнений. Вследствие этого академическое значение «нации» (сионимичное понятию гражданства) было заменено на комплекс смыслов, обладающий размытыми границами и включающий категории этики, онтологии, лингвистики и проч. Поскольку нации не имеют под собой объективных оснований бытия, а являются результатом конвенции, решения, не обязательно артикулированного для себя каждым гражданином, но, тем не менее, культивируемого исключительно людьми, то вопрос существования «нации» также лежит в плоскости волеизъявления человека. Соответственно, «национальность», будучи одним из ключевых аспектов самоидентификации, оказывается одновременно характеристикой плавающей и подверженной изменениям со стороны любой заинтересованной группы формирования мнений.

Литература

- Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. — М.: Кучково поле «Канон-Пресс-Ц», 2001.
- Балибар Э., Валлерстайн И. 2011. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М.: Логос, 2004.
- Бродель Ф. 2011. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв: в 3 т. — М.: Весь мир, 2011. — Т. 3.
- Горбачёва А. Г. 2013. Конструктивные и неконструктивные коммуникативные практики людей в сети Интернет // Идеи и идеалы. — № 3. — Т. 2. — С. 17–25.
- Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991.
- Гасанов И. Б. 1994. Национальные стереотипы и «Образ врага». — М.: Рос. акад. управления, 1994.
- Юнг К. Г. 1994. О современных мифах. — М.: Практика, 1994. — 256 с.